



ФОРМУЛА РАСЦВЕТА

Скажи мне, какие настроения преобладают в умах молодых людей, и я скажу тебе о характере следующего поколения.

Эдмунд Берк

Говорят, нет ничего прекраснее, чем желание видеть столичный град своей страны самым красивым, самым притягательным, самым гостеприимным в мире. Говорят также, что каждый армянин, где бы он ни находился, воспринимает Ереван как олицетворение именно красоты, притягательности, гостеприимства — по крайней мере, ему так хочется. Он с гордостью подчеркивает, что Ереван старше Рима; что Ереван — ровесник Карфагена и Ниневии; что Ереван розовошекий от армянского туфа; что из любой точки Еревана можно увидеть Арарат, как было задумано великим Таманяном. И еще говорят, у каждой столицы есть свои «легенды о рождении» (Рим, Киев), свои точные даты рождения, зафиксированные историей (Ереван, Санкт-Петербург). У всех есть свои символы: Акрополь, Колизей, Кремль, Эйфелева башня, Матенадаран, Папик-Татик... И еще: пожалуй, о всех городах говорят так же, как о столице России: «Москва не сразу строилась». То же самое с уверенностью можно сказать и о стольном граде Армении, добавив при этом, что Ереван разрушался великое множество раз, а в 1635 году при шахе Сафи снесли город до основания. Так что упрямые и упорные армяне не раз все начинали с нуля, а то и с минуса.

Разговор я начал с истории Еревана вовсе не случайно. Дело в том, что в сегодняшнем бурно строящемся и страстно переживаемом Ереване можно увидеть некую симптоматику будущих недугов нации и всего народа. Учитывая, что в последние годы, месяцы, дни, даже часы только ленивый не говорит о проблемах столичного градостроительства, спешу сообщить, что тема, которую я пытаюсь раскрыть, мало общего имеет с вопросами архитектуры как таковыми. Скорее, речь идет о национальной стратегической мысли, нацеленной на перспективу.

Как известно, сердцевиной рыночных отношений является незыблемая формула о спросе и предложении, которые в свою очередь зависят от многих факторов, в том числе и от менталитета народа. Сегодня в Ереване самые красивые здания с самыми красивыми интерьерами — гостиницы. Самыми людными, самыми популярными и самыми бойкими являются кафе, рестораны, уличные и парковые ряды круглых и квадратных столиков под пестрыми цветастыми зонтами. И всюду речь идет не столько о работе, о службе, сколько об обслуживании. Кажется, ничего необычного в этом нет. Есть спрос на гостиничные места, на туризм, на рестораны, кафе и прочие подобные объекты — значит, должно быть и соответствующее обслуживание с реверансами, поклонами, чаевыми и холуйскими улыбками. В конце концов, уже в 1895 году в практически сплошь глинобитном Ереване на фоне всяких там традиционных караван-сараяв был открыт первый всамделишный отель «Ольтер» во дворе нынешней гостиницы «Севан». Затем на Астафьевской улице появился фешенебельный «Гранд-Отель» с соответствующим обслуживающим персоналом в униформе. Модными были и другие названия: «Марсель», «Лион», «Вена». Так что и впрямь все это вполне нормальное явление. И все это было в тридцатитысячном, повторяю, глинобитном городе со статусом губернского центра. Остается напомнить, что в тогдaшнем Ереване проживало в сорок раз меньше жителей, чем во всей Ереванской губернии. Так что в ту пору психология услужливого обслуживающего персонала никак не могла стать заразной, а, стало быть, не могла вызывать эпидемию тотальной услужливости и холуйства.

Сегодня в Ереване и окрест его живет почти половина всего населения республики. Нет уже того количества заводов, фабрик, научно-исследовательских институтов, что было совсем недавно. Произошли разрушительные процессы не только по объективным причинам. И мы на фоне эмиграции миллиона соотечественников как-то не обратили внимания, кроме прочего, еще на один тревожный факт. Если до распада СССР у нас в Армении одиннадцать процентов населения было занято в сельском хозяйстве (речь идет о трудящихся), шестьдесят процентов — в производстве и управлении, более двадцати процентов — в здравоохранении, науке, образовании, культуре и искусстве, то в сфере обслуживания — менее семи процентов.

Я далек от мысли полагать, что «менее семи процентов в сфере обслуживания» — это хорошо. Но с уверенностью могу

утверждать, что резкое снижение средств, выделенных на развитие науки, — это не только плохо, но и опасно. Я уже не говорю о том, что в четыре раза возросло число «услужливых» граждан, занятых в производстве и сельском хозяйстве, науке и образовании. Все это опасно само по себе. Однако куда опаснее тенденции дальнейшего роста показателей в сфере услуг. Одна патологическая крайность заменена другой, столь же патологической. Нетрудно предвидеть последствия такой эпидемии. А ведь речь идет о деградации образа армянина.

Однажды Виктор Амбарцумян рассказал Сосу Саркисяну и мне, как на него здорово обиделись... официанты. Дело в том, что великий ученый не то на пленуме ЦК партии, не то на сессии Верховного Совета, где обсуждался вопрос о развитии туризма в республике и, соответственно, о повышении культуры обслуживания, выразил пожелание, чтобы вдруг всем армянским миром не стать официантами. «Я очень даже уважаю нелегкий и искусный труд официантов и вообще всех, кто работает в сфере обслуживания, — сказал он, словно оправдываясь, — просто я всегда боюсь, когда, начиная какую-то очередную кампанию, ударяемся в крайности». Нельзя было не понять доброго гения, который любил не только звезды на небе, но и цветы на земле. И часто в этой связи повторял: «Уважаю мужчин, выращивающих цветы. Однако мне всегда бывает стыдно за мужчин, продающих цветы. Не мужское это дело. Женское. Нельзя ломать мужской менталитет, выработанный природой».

Разумеется, Виктор Амазаспович не был уж очень категоричен в вопросе о том, должен или не должен мужчина продавать на улице цветы. Его, как ученого, хорошо знающего, что в основе любой науки, в том числе и социальной психологии, лежит математика, волновало другое. Волновала теория больших чисел. Волновало не то, что может вырасти число официантов и «холуев, сдувающих пыль с шубы барина», не число мужчин, продающих цветы. Его интересовал философский переход количества в качество. Во время нашей поездки с великим астрономом по Арцаху в 1995 году (за год до его кончины) он сказал в доме у хирурга Валерия Марутяна после парада войск в Степанакерте: «Меня потрясли не только военный парад сам по себе, не только выправка солдат и отчеканенный шаг, но и лица молодых ребят. От них веяло мужеством и гордостью за причастность к сугубо мужскому делу, которому они служат». И немного погодя старец добавил: «Не дай Бог, если после

службы в армии ребята эти потеряют вот этот гордый взгляд». Амбарцумян уже тогда выразил беспокойство по поводу того, чтобы в народе нашем после распада СССР число услужливых не превалировало над числом служивых. Здесь речь отнюдь не о профессиях, а о менталитете, о духе. Не случайно в народе говорят «Услужливый дурак опаснее врага», а рядом со словом «служивый» всегда стоит слово «воин», «солдат».

Знаменитый японский философ и публицист, сопредседатель Международной экологической организации «Байкальское движение» Хироси Нома писал после Второй мировой войны, когда родина его пребывала в состоянии коллапса: «Моя соотечественница Сикубу Мурасаки ровно тысячу лет назад произнесла знаменитую фразу: «Беды этого мира — недолговечные росы». Именно поэтому душа не должна терзаться ими, этими бедами. Просто надо продолжать поиски истины. Мы проиграли войну потому, что не сумели победить себя. Сегодня, чтобы страна наша встала на ноги, надо ей самой победить себя. Для этого нужно перестать услужничать, холуйствовать. Надо служить и продолжать искать «свой» путь выхода из кризиса».

И страна, потерпевшая, по выражению самих же японцев, «позорное поражение», пережившая Хиросиму и Нагасаки, внемля голосу и зову своих мудрецов, сумела-таки найти «свою» истину, «свой» путь, сумела победить себя. Мне посчастливилось не только знать, но и дружить с этим пророком, о котором много писал. Несколько лет кряду встречались на озерах Байкал, Бива, Севан, Хубсугул, Арал. И я постоянно делал записи, одну из которых привел в книге «Между адом и раем». И сейчас, пытаясь раскрыть тему важности пропорции между «служением и холуйством», о народной философии армян, хочу привести фрагмент из той самой записи, сделанной на Севане.

Хироси Нома называют в Японии совестью нации. Вот какое он сделал признание на берегу Севана: «Готовясь к поездке в Армению, я много читал о ней. И сейчас, поездив по древней стране, поговорив с жителями этой суровой земли, с высоты своего тоже древнего, как Фудзи, возраста я смотрю на будущее Армении и думаю о том, как похожа она на мою родину. Обе они поднялись из пепла, как птица Феникс. Ведь Армения тоже как бы островная страна (имея в виду суть геополитики и соседство Турции). И ее земля тоже гудит под ногами. Вон вчера мы были в Спитаке, и я вспомнил, сколько на моем долгом веку я видел поверженных японских городов. И не только от землетрясений, которых у нас в год бывает до полутора тысяч.

Но я узнал из истории, что островное положение Армении еще опаснее, чем у Японии.

Сегодня я наблюдал, как на берегу Севана мальчишки строили на песке города и крепости, а потом, хохоча, весело разрушали. Я через переводчика спрашивал голоштаных мальчишек, почему, мол, они так поступают. Ответили, что в другой раз построят еще лучше. И я подумал, что есть нечто общее между буддийской и христианской философиями. Известно, что буддисты могут неделями создавать на песке рисунок, картину, целый архитектурный комплекс, а затем в мгновение ока одним небрежным движением руки снести все, уничтожить собственное творение, доказывая тем, что ничто не вечно под луной. Ничто — кроме Родины.

Когда я видел, как армяне, освоив каменистые пустыри, создают оазисы, как они вгрызаются зубами в скалы, расчищая на горных склонах террасы, чтобы отхватить у природы еще несколько метров землицы, я невольно вспомнил, как японцы отхватывают крохами, пядями у моря твердь, чтобы увеличить хоть на крохи, хоть на квадратный сантиметр территорию страны. И я думаю, что Армения непременно придет к своей вершине, достойной ее стоицизма».

Хироси Нома часто произносил словосочетание, которое переводчики переводили с трудом. В конечном итоге они остановились на одном варианте — «организованная мысль». Речь идет о некоей совокупной мысли сообщества, об идее, которую народ воспринимает с осознанной верой. И старец Нома часто вставлял это словосочетание в разговор. Например: «Без общенациональной организованной мысли Япония не смогла бы выйти из глубокой ямы, вырытой в сорок пятом году». При этом добавлял, что никакой мистики в том нет. Идея сначала рождается в одной голове, затем в нескольких головах, а потом уже, распространяясь в народе, превращается в организованную мысль.

После войны Япония оказалась в шоке. Паралич экономики и духа. Паника. Хаос. Неверие в завтрашний день. Проституция. Организованные преступления. Раскол. Коррупция. Голод. Холод. Жажда. Поляризация общества. Были даже лозунги типа «Спасайся, кто может». Всюду на улицах — торговые столики, лавки. И вдруг... нацию обуревают спасительная организованная мысль, которая сумела осознанно направить национальное сознание на упорные поиски не только наукоемких отраслей, но и на сотворение культа технологии. Никто

во всем мире в тот трагический для японцев августовский месяц сорок пятого года не мог бы предположить, что настанет день, когда специалисты напишут: «Без использования изготовленных в Японии компьютерных микросхем нового поколения Министерство обороны США не в состоянии дать гарантий, что ядерное и ракетное оружие будет обладать требуемой точностью. Если бы Япония заявила Вашингтону, что больше не станет продавать США компьютерные микросхемы, Пентагон оказался бы абсолютно беспомощным».

Япония просто обязана была найти свой конек. И она нашла его. Иначе бы не выжила.

Не хочу сравнивать Японию с Арменией. Скорее пытаюсь всего лишь развить идею мудрого Хироси Номы о прецеденте «японской» птицы Феникс, образе, столь близком Армении. Сравниваю состояние души народов, которые с пчелиным и муравьиным трудолюбием и упорством отвоевывают у воды и камня крохи земли, вдыхая в них жизнь. Так называемая организованная мысль, разрабатывая национальную программу выживания (не надо бояться и стыдиться этого слова), учитывает возможности и менталитет народа. Здесь нет и не может быть даже намек на противопоставление одного народа другому. У каждого — своя специфика, свой неповторимый талант, свой хачкар, своя «компьютерная микросхема».

В свое время коммунистические руководители Армении составили «свою» специфическую программу развития республики. Не будем говорить об издержках, связанных с зависимостью от центра, от военно-промышленного комплекса СССР и все такое прочее. Поговорим о том, что национальную программу составляли, исходя из возможностей и уровня армянской науки. И вскоре республика добилась значительных успехов в таких отраслях, как электроника, прикладная математика, астрофизика, биохимия, производство антенн, кабеля и других. Многие тогда задавались вопросами: как в условиях жесткой централизации армянские ученые смогли создать целых четыре поколения электронно-вычислительных машин «Наири»? Что позволило им увеличить разрыв с теми республиками, которые тоже производили вычислительные машины? Выяснилось, что тут сыграли роль два фактора. Первый: среди крупнейших и видных ученых в СССР армяне составляли девять процентов — и это при том, что население республики составляло всего лишь один процент. И второй фактор: как известно, структура технологии такова, что появившийся од-

нажды разрыв между конкурентами, как правило, продолжает разрастаться. Об этом также говорил философ Нома, который в 1990 году во время встречи в рамках «Байкальского движения» на озере Хубсугул (Монголия) сказал мне, что скоро в журнале «Иностранная литература» на русском языке выйдет статья его коллеги — Синтары Исихары, и предложил непременно прочитать ее. При этом не без восторга добавил: «Заглавие статьи просто-таки гениальное: «Япония, которая сумеет сказать «нет» Америке».

Спустя год я достал этот номер «Иностранной литературы». Прочитал статью Исихары и решил через друзей связаться с Хироси Номой. Увы, выяснилось, что этот великий гражданин мира и своей страны скончался. Человек, который своим творчеством и словом внес весомую лепту в дело возрождения его «агонизирующей родины». Человек, который на берегу Севана произнес громко: «Я знаю, я верю, непременно настанет час, когда весь мир будет завидовать Армении и армянину. Это открытие для себя я сделал в Спитаке и Матенадаране».

Прочитав статью Синтары Исихары, я, кажется, понял, почему мудрый Хироси Нома так настойательно просил, чтобы я непременно сделал это. В ней я нашел многие мысли, высказанные в разное время не только Хироси Номой, но и многими японскими коллегами, с которыми я подолгу беседовал во время наших многочисленных встреч. Меня удивило и поразило то, что люди разных специальностей в вопросах национального возрождения мыслили как-то одинаково. Вот тут-то я, кажется, и осознал суть и смысл словосочетания «организованная мысль». Я и раньше делал записи во время наших бесед. Делал к ним свои комментарии. И вдруг читаю статью в «Иностранной литературе» и ловлю себя на том, что чуть ли не вся многомиллионная нация думает одинаково, точнее, усвоила один и тот же урок. Хотелось бы привести здесь некоторые из моих записей. Я не раз возвращался к этой теме. А сейчас, когда речь идет о том, как войти в Европу, при этом сохраняя свой образ, свою самобытность, то сам Бог велел не бояться повторов. В книге «Между адом и раем» я приводил записи, сделанные на полях переводных статей японских авторов, в первую очередь статьи «Япония, которая сумеет сказать «нет» Америке». И не грех здесь повториться.

«...Мы еще не совсем справились с последствиями как наших военных поражений и оккупации, так и военных успехов в освобождении части своих земель. Главное, пусть медленно,

но наши взгляды меняются». А ведь это и про нас сказано. Весь вопрос в том, как меняются наши взгляды и какие задачи стоят перед нами «организованная мысль».

«...Способность к свежему восприятию — это неперенное условие истинно зрелого общества». История показала, что армянский народ особенно в лихую годину всегда обладал действенной способностью к свежему восприятию реалий жизни.

«...Вдохновляясь успехами в науке, технике, культуре, нужно стать более уверенными в себе. Не обязательно оставаться надменными. И если мы по-прежнему будем испытывать «синдром жертвы», «комплекс неполноценности», то нам не стать пружиной нового генезиса». Наша народная философия, наши традиции, уроки истории, национальная идеология, Айдат (буквально: «Армянский суд» или «Армянский вопрос») позволяют дать объективную оценку не только событиям, но и самим себе. Сегодня, чтобы выполнить программу и решить стоящие перед нами очень ответственные задачи, мы просто «обязаны изменить свои взгляды и свои представления о себе». В кавычки я взял слова, которые японские авторы второй половины 40-х годов, словно сговорившись, подчеркивали в своих философских трудах. По утверждению Хироси Номы, после войны самым почетным, самым социально требуемым, самым оперативным жанром философии и литературы была философская и художественная публицистика, которая добивалась того, чтобы народ действительно поверил в себя, преодолевая свои слабости.

В философию «Организованной мысли» входит такое понятие, как «статус соотечественника», оказавшегося за рубежом. Нома не устал повторять, что философам и публицистам стоило немалых трудов убедить правительство, что каждый соотечественник, оказавшийся за рубежом, является послом своей страны. Каждый. От его поведения зависит имидж его страны. В щедро цитируемой выше статье подчеркивается следующая программная установка, которой обязаны были придерживаться все послевоенные правительства Японии: «Особое внимание надо уделять личностям, которые олицетворяют образ страны за рубежом. Это члены различных миссий, делегаций, но прежде всего — дипломаты. За исключением молодых (но не отягощенных революционной идеологией) и немногих выдающихся работников, остальные, как правило, в своем большинстве за границей продлевают жизнь «негативным стереотипам» нации».

«Убеждали правительства» без нажима, без всяких там нападаний. Убеждали логикой, убеждали созданием обществен-

ного мнения. Мало кто среди простых смертных имел представление о «компьютерных схемах», но интуитивно чувствовал сверхважность этого феномена. Ибо в то тужелое послевоенное время, когда общенародная память сохраняла боль Хиросимы и Нагасаки, японские философы и публицисты поднимали вопрос о единстве науки и культуры. Синтара Исихара пишет в этой связи: «Совершенствуя технологию как основу развития всех отраслей науки и производства, вместе с тем необходимо поднять авторитет национальной культуры, художественной литературы, не жалея на это средств». Напомним, что предложение «не жалеть средств» было сделано философами и публицистами в самое голодное для Японии время.

Изучая и осваивая уроки Хироси Номы, я пришел к убеждению, что народ, который говорит «да», когда в его интересах сказать «нет», не имеет будущего. Разумеется, не каждому дано в критический момент сказать «нет». Гордое отрицание можно произнести только при условии, когда между партнерами есть не только взаимное доверие, но и взаимозависимость. Этого можно добиться, если «организованная мысль» разрабатывает программу развития страны в первую очередь в тех направлениях, которые присущи народу. Совсем как в спорте: высокий рост — в баскетболе, выносливость — в марафоне, скорость — в спринте, сила — в тяжелой атлетике. Иначе мы всегда, опустив голову, будем подобострастно произносить выгодное для других «да». Только между равными партнерами при заключении сделки отказ является тоже частью переговоров.

Спасительная философия Японии второй половины 40-х годов выработала спасительную «формулу расцвета», которую Хироси Нома определил так: «Гостеприимная страна наша просто обязана была мощно развить сферу услуг, но ни в коем случае не делать ее приоритетной». И на японском озере Бива в октябре 1989 года, пребывая под впечатлением очередной беседы со стариком Номой, я сделал запись в блокноте: «Источником динамического развития является культура и образ жизни, основанные на высокой технологии. Главная движущая сила, конечно же, — промышленность. Ибо нельзя полагать, что «мозг безо всякой мускулатуры может пойти на пользу страны» (Нома). Крупные технические достижения всегда вызвали перемены, будь то в каменном, бронзовом или компьютерном веке. Вспомним хотя бы полет в космос внеатмосферной обсерватории «Орион» Гурдзадяна, стартовавшей, по сути, не в Байконуре, а в Гарни. Вспомним феноменальные

успехи многих других армянских ученых. Страна приходит в упадок, когда, потакая своим прихотям, праздному досугу, шику, показухе, тотальному холуйству, позволяет образу жизни приобрести большее значение, чем профессиональное мастерство, пренебрежительно забывая о своей технической и промышленной базе.

История показала, что руководители, которые лукаво оправдывают свое преступное безделье отсутствием сырьевой базы и стратегической мощи, обрекают страну на гибель (Нома). В этой связи хотелось бы привести еще одно признание, сделанное автором статьи «Япония, которая сумеет сказать «нет» Америке»: «Чтобы занять свое место в мировом сообществе, нам не следует ни вести себя раболепно, ни отдавать приказы налево и направо, уподобляясь сверхдержавам. Нам — и стране в целом, и каждому в отдельности, — требуется лишь необходимая уверенность в себе».

Однако не может быть уверенным в себе человек с психологией «профессионального слуги». Это уже сказал не японский философ, а Виктор Амбарцумян, который своей жизнью и трудом доказал и показал миру, что армянская наука является не только бесценным достоянием народа, но и его спасательным кругом в штормовом море современности. Мы не можем позволить себе равнодушно созерцать, как воинственная посредственность с пеной у рта рвется к власти; как огромные массы, не ведая, что творят, невольно становятся услужливыми холуями; как потерявшее лицо чиновничество с нескрываемым презрением относится к собственному народу и его нуждам; как целая прорва государственных мужей руководит важнейшими отраслями, презрев уроки истории и философии. А ведь суть этих уроков сводится к тому, что в трудный для страны час нельзя опускать руки; нельзя расслабляться, нельзя и впрямь терять уверенность в себе. Ибо опасно, особенно для молодежи, недооценивать собственные силы и собственный дух. Кто-то ведь виноват в том, что молодые теряют уверенность в себе. Кто? С таким вопросом я однажды обратился к Хироси Номе. Он ответил не задумываясь: «В таких случаях древний философ говорил: «Когда сын выругался, Диоген ударил отца».